

Об одной трагической судьбе

РОЖДЕН БЫЛ КАСКАДЕРОМ...

ЕЩЕ НЕ было той инструкции, а до трагического исхода оставалось семь лет, когда он впервые попал в мир кино. Уже тогда он твердо и навсегда решил: «Буду каскадером!». Александр Андреев шел 21-й год. Анкета его была лаконична: десятилетка, завод, занятия спортом и служба в десантных войсках...

Трудно постигать мир каскадера, тем более писать о человеке, которого нет. Но, к счастью, остались его друзья, письма, а главное, дневник, строки которого позволю себе цитировать, чтобы поведать о человеке, его мечте.

«...Для человека, впервые попавшего на киностудию, открывается волшебный мир, где можно спокойно пройтись по пустынной набережной Сены, а за поворотом увидеть картину средневековья. На фоне замка понырять рыцарь уже в двадцатый раз просит у столь же понырившей рыцарши: «Ах, оставьте меня, безумец!..» «Бездарно, никакой экспрессии, товарищ рыцарь, — раздается опять режиссерский голос, — ну вы же весь в огне любви, товарищ рыцарь!..»

Именно таким, но в истинно рыцарском ореоле видится ему этот мир, в котором предстояло красиво «умирать» за актеров. И каждый раз восклицать к новым подвигам! Именно в нем он начал постигать себя, все больше и больше задумываясь над опасной профессией.

«...Каскадеры! Я все чаще задумываюсь над этим. Люди, которые, рискуя жизнью, «умирают» каждый день. Что это, глупость, пришедшие из глубины веков, самоубийцы или просто безумные глупцы, возмнившие себя бессмертными отпущенцами жизни? Нет, нет, это — люди, у которых просто душа хочет летать. Нет таких слов, которые бы раскрыли мир этих людей!..»

Став каскадером, он испытал радость первых «полетов». Но именно после этих первых радостей у Саши и появилась своя мечта: сделать уникальный по сложности кинотрюк — совершить именно свой полет. Он еще не знал, когда, где и в каком фильме изумится им зритель, но уже тогда прекрасно понимал, что для этого нужны надежные крылья, на которых пронесет он свою мечту через кадр.

«...День начинается — пора жить. Всканиваю с постели, надеваю спортивный костюм. Ежедневно с утра провожу трехчасовую тренировку. Я оставил спорт и стал каскадером. Всегда быть в отличнейшей форме — это залог успеха, гарантия жизни и здорового существования без переломов».

Но он понимает, что одной физической силы мало. Нужна еще и сила духа, без которой мечта чаще всего так и остается мечтой.

«...Вся сила и весь новый смысл твоего существования — научиться ничего не бояться. И не забыть, что бесстрашие — это не только отсутствие трусости. Это полная работоспособность, организованность, полное спокойствие в атмосфере опасности».

И он всячески воспитывал в себе эту «полную работоспособность», даже искусственно создавая для себя «атмосферу опасности». Его, например, пугала высота Крымского моста. Только поэтому она не давала ему покоя. И однажды, в который раз явившись на мост, он все-таки, преодолев страх, прыгнул с него. Со стороны

это покажется, мягко говоря, ребячеством. Но вот что пишет о таких секундах преодоления себя Саха:

«...Все это делалось ради одного мгновения, нескольких секунд, но эти секунды должны были стать полетом, человеком наперекор своим инстинктам должен утверждать себя».

Саха много читает, выписывая любившиеся строки А. Пушкина, Марка Аврелия, О. Бальзака, Омара Хайяма, А. Ахматовой, Э. Хемингуэя. Его любимым героем — благородный поэт Сирано де Бержерак. Саха не желает быть просто трюкачом в кино, случайным дублером. Он становится постановщиком трюков. В стопке домашнего архива нахожу подробно составленный им план (фактически режиссерскую экспликацию) съемки трюковых кадров фильма «Вне времени». (Впрочем, ему так и не удалось поработать в этом фильме по особым причинам. О причинах — ниже). Он начинает писать сценарии.

«...Профессия каскадера уникальна. Он должен быть отчасти и актером, и прекрасным спортсменом, и режиссером, и даже сценаристом. Только тогда ты сможешь по-настоящему видеть, ощущать свой трюк. Без этого ты не каскадер. Но путать нашу работу со спортивной нельзя, это разные вещи».

Саха впитывает в себя все, что только может пригодиться в каскадерской работе. Однажды его как актера-каскадера приглашает сниматься в фильме «Петр Великий» американская кинокомпания «НТГ Продакшнз ЛТД». И он тут же, не раздумывая, берет за изучение английского. Решает: «Без этого нужно идти работать». На его счету уже сотни рискованных трюков, это пиротехнические, высотные акробатические, авто-, мото- и конные трюки...

Передо мной лежит папка фотографий. На одной из них запечатлен высокий обрыв, с которого в бурную реку летит конь с наездником. Конь — это отрада, страсть Саши в кино. Любимый, даже пугливый, неговорящий конь — это всегда его Друг, с которым он ведет свои тайные дневниковые беседы.

Все сложнее делал он трюки, увереннее сидел в седле. И каждый раз думал, что тот его особый, полный риска трюк где-то там, впереди... В зрелищном фильме «Капкан для шакалов» нужно было разогнать горящую автомашину и, выпрыгнув из нее перед самым обрывом, пустить в бурную реку. Но Саха и в этом трюке пошел дальше: разогнавшись в пылающей машине, он не покидал ее, а вместе с ней летел с высокого обрыва и выпрыгивал из нее уже в воздухе. Этот трюк был оценен на Всесоюзном кинофестивале в Алма-Ате как самый уникальный, а Саха получил специальный диплом за мастерство исполнения трюков. Но, исполнив и такой трюк, он считал, что это не предел...

ГОВОРЯ об этой уникальной профессии, должен признать: самой необычной ее чертой является то, что на сегодняшний день профессии «каскадер» практически нет, как нет такой штатной единицы ни на одной студии страны. Нет профессионального комитета каскадеров для разреше-

ния вопросов социального обеспечения, партийной и ведомственной принадлежности. В Союзе кинематографистов СССР отсутствует такая секция. И это, кстати, мало кого беспокоит. Не один год били об этом тревогу каскадеры страны. Писал об этом и Саха: «...Трудовой стаж не идет, нет постоянной зарплаты. Профессия не узаконена, нет своей единой базы, залов для репетиций. Приходится делать все самим: седла, упряжь, сложные приспособления для рисованных трюков».

И такой энтузиазм для иных исполнителей нередко кончался на съемочных площадках травмами и увечьями. Во избежание всего этого каскадеры-ветераны предлагали и предлагают организовать «Комплексную студию трюковых съемок» на полном хозрасчете, которая имела бы большой экономический эффект и решила многие проблемы: свою техническую базу, штат постановщиков трюков, парк машин, конюшни и т. д.

И вот, хотя и без гласного обсуждения, практически без консультаций с такими ведущими каскадерами-ветеранами, как А. Массарский, В. Леонтьев, В. Жариков, издается приказ № 220. Согласно ему на четырех студиях вводится по одной ставке начальника трюкового отдела. Отныне на «Мосфильме» всеми трюковыми делами стал заправлять некто А. Аристов. От его симпатий или антипатий теперь зависела судьба опытных каскадеров.

На «Мосфильме» стала работать комиссия по отбору каскадеров. Не спорю: дело нужное, но тут многое зависит от тех, в чьих руках оно. В четырех стенах одной душной комнаты, в основном в присутствии администраторов, с помощью этой инструкции решались судьбы каскадеров, судьба Саши Андреева, которого уже опробовал Его Величество Трюк в 76 фильмах. Казалось бы: чего проверять его-то, каскадера, отмеченного на Всесоюзном кинофестивале? Впрочем, Саха пошел на такой экзамен не ропща. Ему бы простор спортплощадки с канатами, турниками или площадку повыше, чтобы показать комиссии свой полет — полет каскадера. Но, оказалось, полет меньше всего волновал комиссию и ее председателя. Они придирчиво уткнулись в инструкцию, согласно которой каскадером мог быть тот, у кого есть документы: удостоверение мастера спорта, справка с работы (естественно, не каскадерской) и т. п.

Для солидности эту комиссию оснастили еще одной комиссией, возглавляемой на этот раз неким А. Шигаевым, «специалистом» по тестированию. Бюрократический маховик раскручивался всевозможными способами: оказывается, именно по количеству набранных баллов можно определить, каскадер ты или нет! Результат не замедлил сказаться: комиссии с неумолимой точностью подтвердили, что Александр Андреев вовсе и не каскадер. Не помогли ни документы и группа опытных каскадеров А. Тибилова из Грузии. Не получили удостоверения и такие опытные каскадеры, мастера своего дела, как А. Микунин, Ю. Рогунов. Старейший трю-

ковое дело О. Савосина, П. Тимофеева, У. Кудайбергенова, М. Кантемирова постигает та же участь — их даже не пригласили на комиссию, где именно они должны были бы решать судьбу Саши и других. Рухнула мечта, ведь без кино Саха уже не мыслит своей жизни: «...Без всего этого мы уже не люди, это наша душа, мы просто болыны этим».

Отказали!.. Так произошел трагический слом. Теперь, на какую бы студию ни пришел Саха, везде от него требовали удостоверения каскадера, заглядывали в списки узаконенных трюкачей — он же в списках не значился. В отчаянии он исповедуется:

«...В один день мы оказались без работы, без средств к существованию, т. е. работа эта является для нас единственной».

«...Утро. Вставать страшно не хочется, что со мной никогда не случается. Хочется закрыть глаза и лежать, лежать, ни о чем не думая — ни о будущем, ни о настоящем, забыть о предстоящих проблемах, делах».

Саха пишет отчаянные письма на V съезд кинематографистов СССР, «Мосфильм», пытается достучаться до чьей-либо души. Тщетно.

«Без этого мне не жить!..» — неоднократно повторял доведенный до отчаяния Саха своим друзьям. Они успокаивали его, не подозревая о приближающейся трагедии.

Теперь можно говорить об импульсивности его характера, об уязвленном самолюбии, о максимализме и прочем, наконец о крайности его выбора, с которым нельзя соглашаться, но...

ВЧИТЫВАЮСЬ в строки письма друзей Саши: «Всю вину за случившееся мы возлагаем на руководителя трюкового отдела «Мосфильма» Аристову А. И. Этот человек... планомерно уничтожал нашего товарища». А вот строчки из заявления мамы Саши в прокуратуру: «...Сын говорил мне, что у него были очень натянутые отношения с Аристовым, который принимал непосредственное участие в отборочной комиссии и... был в роковой конфликт с моим сыном...»

Да, к этому времени я уже знал немало о тех, кто сыграл трагическую роль в судьбе Саши. Их имена мелькали в разговорах с разными кинорежиссерами, знавшими Сапу не понаслышке, о них горячо и гневно говорили мне обычно столь немногочисленные опытные каскадеры. Наконец, к их характеристике многое добавили и официальные документы, с которыми меня познакомили в Брежневском и Севастопольском нарсуздах. Да, и Аристов, и Шигаев оказались людьми далеко не безупречной биографии. И тот, и другой были уже судимы, причем Шигаев — за хранение и распространение порнографических фильмов. Знал я и то, что Аристов, будучи председателем комиссии по тарификации каскадеров, умалчал о том, что Александр не только был отмечен на Всесоюзном кинофестивале, но и что отличные характеристики ему дали режиссеры фильмов, где он снимался. Впрочем, о качестве его работы говорили и киноролики, и фотографии трю-

ков, которые представил Саха на комиссию. Аристов знал все это, но промолчал.

Получив отказ, Саха делает вторую попытку пройти тарификацию. И опять отказ. Мучительно думаю об этом: почему? Может быть, потому, что в качестве каскадеров Аристову надо было провести «своих» — знатока «порнографической психологии» А. Шигаева, некогда судимого за хулиганство непрофессионала И. Вольского? Наконец, чтобы не забыть и себя: ведь не имея на то достаточных оснований, Аристов получает удостоверение каскадера вышеступившей (!) квалификации. Многие впитали в себя мой блокнот, прежде чем я встретился с ними...

Так что же представляют собой эти люди? Какие они испытывают ныне угрызения совести, узнав о случившейся трагедии, в которой они — вольно или невольно — стали соучастниками? Мне хотелось взглянуть в их глаза...

Нет, не увидел я в них и тени раскаяния, смущения, невольности или даже сожаления о случившемся. Тягостная встреча убедила меня в том, что неведения того, что творили, у них не было. Они оставались спокойно-уверенными в себе, ледяные глаза ничего не выражали.

— Я поступал согласно инструкции, — говорил Аристов.

Конечно, он подготовился к такой встрече и тут же выложил, что Саха вел антиобщественный образ жизни, его разыскивала милиция, нигде не работал, пил... Ложь, все ложь! Ибо, конечно, я спросил о Сахе в милиции, которая его якобы разыскивала. Он вел безукоризненный образ жизни. А работа?.. Что ж, и здесь он не был тунеядцем: ведь за семь лет он снялся в 76 фильмах.

И, конечно, вспомнили Сахе тот прыжок с Крымского моста. Только пьяному, мол, взбрело такое.

— Вот именно! — вставил свое слово знаток психологии Шигаев. — Он и на комиссию пришел пьяный...

И это сплетня. И это не подтвердилось.

Иными словами, стремясь выгородить себя, защититься инструкцией, они вытаскивали ложь и сплетни, чтобы и теперь, после гибели Саши, свалить вину за случившееся только на него. Чтобы еще раз втоптать в грязь его имя...

Я вспомнил то бурное собрание, проходившее в Союзе кинематографистов СССР, на Всесоюзной комиссии под председательством В. Любимудрова, когда, гневно осудив действия Аристову, каскадерами — коллегами Саши было принято решение: передать коллективное письмо в прокуратуру. Нет, нельзя оставлять зло безнаказанным. Ведь дело не в инструкции, а в том, в какие руки (честные или нечестные) она попадает, кто ею может воспользоваться — во имя дела или для сведения счетов!..

...Придут другие каскадеры, будут их полеты, каждый из них внесет нечто свое, рекордное. Так будет! Но никто из них не сумеет сделать того, что хотел совершить Саха!..

М. КОРЧАГИН.